

Утопические видения, явленные в упрямой материальности миров

Поскольку мы находимся в книжном клубе, который носит имя знаменитого теоретика, философа и изобретателя, Циолковского, я решила, что начать нужно с того, чтобы пересмотреть еще разок труды Циолковского, которые я использую в своей работе – я к ним время от времени возвращаюсь. Моя работа – это докторская диссертация, которая сейчас называется «Аффективные инфраструктуры». Идея аффекта идет от Спинозы, аффект это нечто такое, что воздействует и на что воздействует нечто иное одновременно. Делез и Гваттари разрабатывали в дальнейшем эту идею, и в 2000 годы антропология в США и по всему миру обратилась с теме аффекта. Это создало так называемый аффективный поворот, который представлен именами Кейтлин Стюарт, моей профессорки, Брайана Миссуми, Нигеля Трифта и многими другими. Примерно в те же годы возник ряд теорий инфраструктуры, которая выступила из пространства невидимого и удостоилась некоей теоретизации, представленной именами Брайана Ларкина и Абдумалика Симона. Брайан Ларкин заметил, что инфраструктура, как агломерация объектов материального мира, является результатом неких человеческих желаний, намерений, фантазий и мечтаний, и в свою очередь порождает намерения, желания, фантазии и мечтания. Я в своей работе хочу связать эти два поля на Сибирском этнографическом материале. Вопрос, который я сейчас себе задаю, и который я надеюсь прояснить для себя в течение следующих полугода, которые я проведу в Сибири, звучит так: каким образом материальный мир, построенный, сделанный человеком, влияет на человека в смысле аффективных привязанностей, состояний, связей, конкретно, в отношении решений о перемещении в пространстве, миграции и мобильности, которые принимают люди. Особенно меня интересует, поскольку это наименее исследованная часть проблемы, каким образом люди день за днем принимают решение остаться в Сибирской деревне, которая фактически лишилась средств к существованию и правительственных или административных субсидий.

Эта деревня возникла как результат Советского проекта по преобразованию мира, планеты, скорее даже как город будущего, в 1961 году, когда была построена Братская ГЭС, на момент строительства самая мощная в мире, как демонстрация мощи Советского проекта, и затопила территории Братским водохранилищем. Согласно правительственным планам по консолидации, деревни не просто переносились выше уровня затопления, но и объединялись в поселения индустриального, полугородского, но все-таки не совсем городского, рода.

Этот проект действительно мне кажется имеет смысл рассматривать в контексте учений и фантазий Циолковского. Я возвращаюсь к работам Циолковского не только

потому, что Циолковский – это один из основных теоретиков Советского времени, но и потому, что есть некие параллели между заселением миров и той историей, которая сформировало место моей полевой работы как антрополога – теми «городами будущего», которые выросли во время индустриальных трансформаций на месте, которое было обитаемо совершенно по-другому – в тайге.

Циолковский был одержим, в частности, идеей не только покорения других планет, но и замещения уродливых, неразвитых, отсталых форм жизни на жизнь более совершенную, на более «совершенные породы» [когда мне довелось один раз переводить этот термин, я перевела его как «ideal races»].

В работе «Монизме вселенной» Циолковский говорит:

“У всех была одна цель: заселить вселенную совершенным миром для общей выгоды. Какое же может быть несогласие? Они встречали на пути и зачаточные культуры, и уродливые, и отставшие, и нормально развивающиеся. Где ликвидировали жизнь, а где оставляли ее для развития и собственного обновления. В огромном большинстве случаев они заставляли жизнь отставшую, в форме мягкотелых, червей, одноклеточных или еще более низкой.

Не было никакого смысла дожидаться от нее миллиарды лет мучительного развития и получения сознательных и разумных существ. Гораздо скорее, проще и безболезненнее размножить уже готовые, более совершенные породы. Я думаю, мы на Земле не будем дожидаться, когда из волков или бактерий получится человек, а лучше размножим наиболее удачных его представителей.”

Здесь Циолковский явственно высказывает идеи евгеники, по сути, когда речь идет о размножении наиболее удачных представителей человека. Вместе с тем, хотя дело представляется ему прозрачным, Циолковский все-таки был занят вопросом о том, насколько такое уничтожение предыдущих форм жизни морально. В статье «Космическая философия», написанной в 1953 году и впервые опубликованной в журнале «Техника — молодежи» (№ 4, 1981), Циолковский ставит вопрос следующим образом:

“На этих передовых, зрелых планетах размножение идет в миллионы раз быстрее, чем на Земле. Впрочем, оно регулируется по желанию: надо совершенное население - его нарождают быстро и в каком угодно числе. Посещая окружающие их незрелые миры с примитивной животной жизнью, они уничтожают её по возможности без мучений и заменяют своей совершенной породой. Хорошо ли это, но жестоко ли? Если бы не было их вмешательства то мучительное самоистребление животных продолжалось бы миллионы лет, как оно и сейчас продолжается на Земле.

Их же вмешательство в немногие годы, даже дни, уничтожает все страдания и ставит вместо них разумную, могущественную и счастливую жизнь. Ясно, что последнее в миллионы раз лучше первого.”

Уничтожение страданий для Циолковского есть уничтожение страдающего.

Нетрудно увидеть, что в этой грезе, в этом видении, в идее населения некой жизнью различных планет есть созвучие с идеями философа Николая Федорова, в частности, с хорошо известной идеей восстановления всех мертвых, всех когда-либо живших и умерших на планете земля предков, в преображенном теле, но преображенном не с помощью одной лишь силы духа и божественного веления, но деятельностью людей в ходе человеческой истории. Могущественная божественная воля осуществляется не мановением божественного духа, но через посредство самого человека, который облакает движение по возрождению мертвых в технологии, и изобретает научные способы, в согласии с физическими законами вселенной, для восстановления людей.

Есть и важное различие между Федоровым и Циолковским: Федоров не предусматривал физического уничтожения непрогрессивных форм жизни на заселяемых возрожденным человечеством территорий. Напротив, Федоров говорит об *уничтожении розни миров*.¹

Я хочу процитировать фрагмент из Николая Федорова, миниатюру, увертюру, озаглавленную автором «Конец сиротства; безграничное родство»:

«День желанный, от века чаемый, необъятного неба ликование тогда только наступит, когда земля, тьмы поколений поглотившая, небесною сыновнею любовью и знанием движимая и управляемая, станет возвращать ею поглощенных и населять ими небесные, ныне бездушные, холодно и как бы печально на нас смотрящие звездные миры; когда, собирая и оживляя прах тех, которые нам дали или - вернее - отдали свою жизнь, мы уже не будем этот прах обращать в пищу себе и потомкам, к чему вынуждались разобщением миров и необходимостью жить средствами, скопленными на нашу небольшую планету. Знанием вещества и его сил восстановленные прошедшие поколения, способные уже воссоздать свое тело из элементарных стихий, населят миры и уничтожат их рознь... <...> Иллюзия поэтов, олицетворявшая или отцетворявшая миры, станет истиною. Но персонификация или - точнее - патрофикация будет дана уже не мыслью, не воображением, а делом. <...> Сей день, *его же Господь чрез нас сотворит*, будет произведен не мнимым движением солнца, не действительным движением земли, а совокупным действием сынов, возлюбивших Бога отцов и исполнившихся глубокого сострадания ко всем отшедшим. <...> Не будет ничего дальнего, когда в совокупности миров мы увидим совокупность всех прошедших поколений.<<1>> *Все будет родное, а не чужое*;² и тем не менее для всех откроется ширь, высь и глубь необъятная, но не подавляющая, не ужасающая, а способная удовлетворить безграничное желание, жизнь

¹ (Игра уничтожений, соперничество уничтожений здесь неизбежно напоминает мне об еще одном уничтожении в русской мысли, *уничтожении ничто*, об идее Алины Витухновской, присутствующей здесь – “уничтожение ничто”, для меня, есть идея анти-нигилистическая в своем пассионарном отрицании: здесь постулируется существование ничто, которое следует уничтожить, для чего? Может быть, с целью освобождения пространства в пользу возникновения *ничто*).

² Идея бесконечно коммунистическая по своей сути, и звучала в культурном пространстве году через героя Даниила Бодрова цитирующего хрестоматийное стихотворение: «В поле каждый колосок <...> Это всё моё, родное». Здесь речь идет не столько о собственности, хотя и о ней тоже, сколько о переживании родства.

беспредельную, которая так пугает нынешнее истощенное, болезненное, буддийствующее поколение. <...> Этот день будет дивный, чудный, но не чудесный, ибо *воскрешение будет делом не чуда, а знания и общего труда.*”

¹ Всеобщее свидание. Это-то и есть великая будущность, которая ожидает прошедшее, если настоящее поймет свое назначение, дело, цель. – (примечание Федорова).”

Идея Федорова замечательно объемная, и я уже как-то говорила, что я считаю, невзирая на абсурдность этой идеи, а возможно, и благодаря ей, что она должна и может, и даже в каком-то смысле уже является и всегда являлась самобытной идеей, которая предлагает проект для всего мира, пусть и в некоем бесконечно удаленном будущем.

Антрополог Филипп Дескола предложил рассматривать различные места, которые предлагают свои горизонты обозреваемого мира, в качестве отдельных миров. Он постулировал существование различных миров, но не в мистическом смысле, и не в смысле, который был предложен Циолковским и Федоровым, как разнообразие других планет, но в смысле весьма материалистическом, даже элементарном – в смысле того, что каждый чувствующий субъект является обитателем своего собственного мира, со своим языком, многие вещи в котором неперевоимы. Но эта неперевоимость не должна нас пугать. Лакан в «Семинаре об Украденном письме» обосновал идею, что отправленное письмо всегда доходит до адресата. Хотя я испытываю некоторое раздражение в отношении этого вывода, и хочу его категоризировать как софизм или поэтическую декларацию, поскольку очевидно, что это не всегда так, наверное, можно прочитать это в том смысле, что отправленное и даже не отправленное письмо всегда находится в бесконечном процессе, оно продолжает идти, всегда надеется дойти, всегда продолжает доходить, и его различные смыслы доходят каждый по своей траектории в различное время.